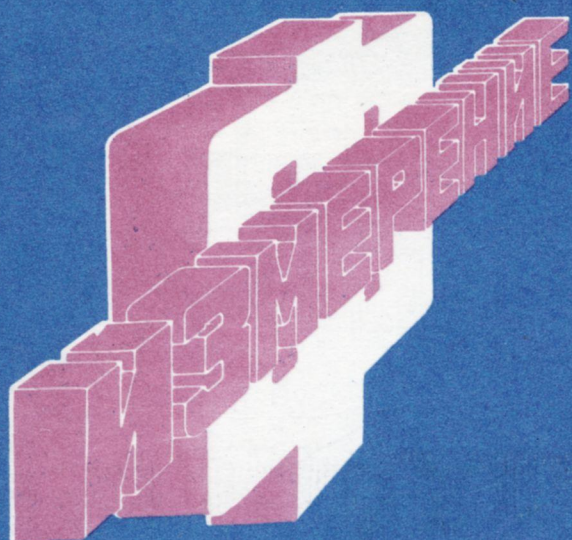
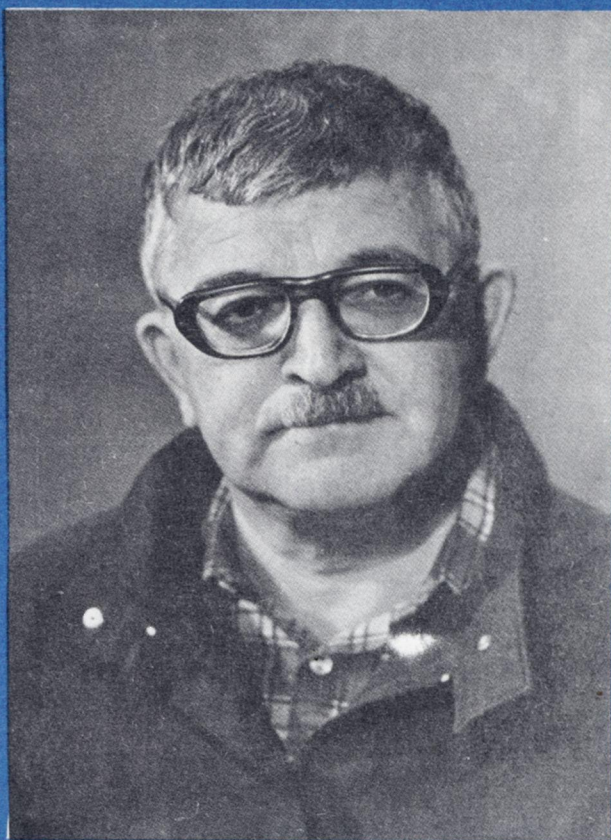
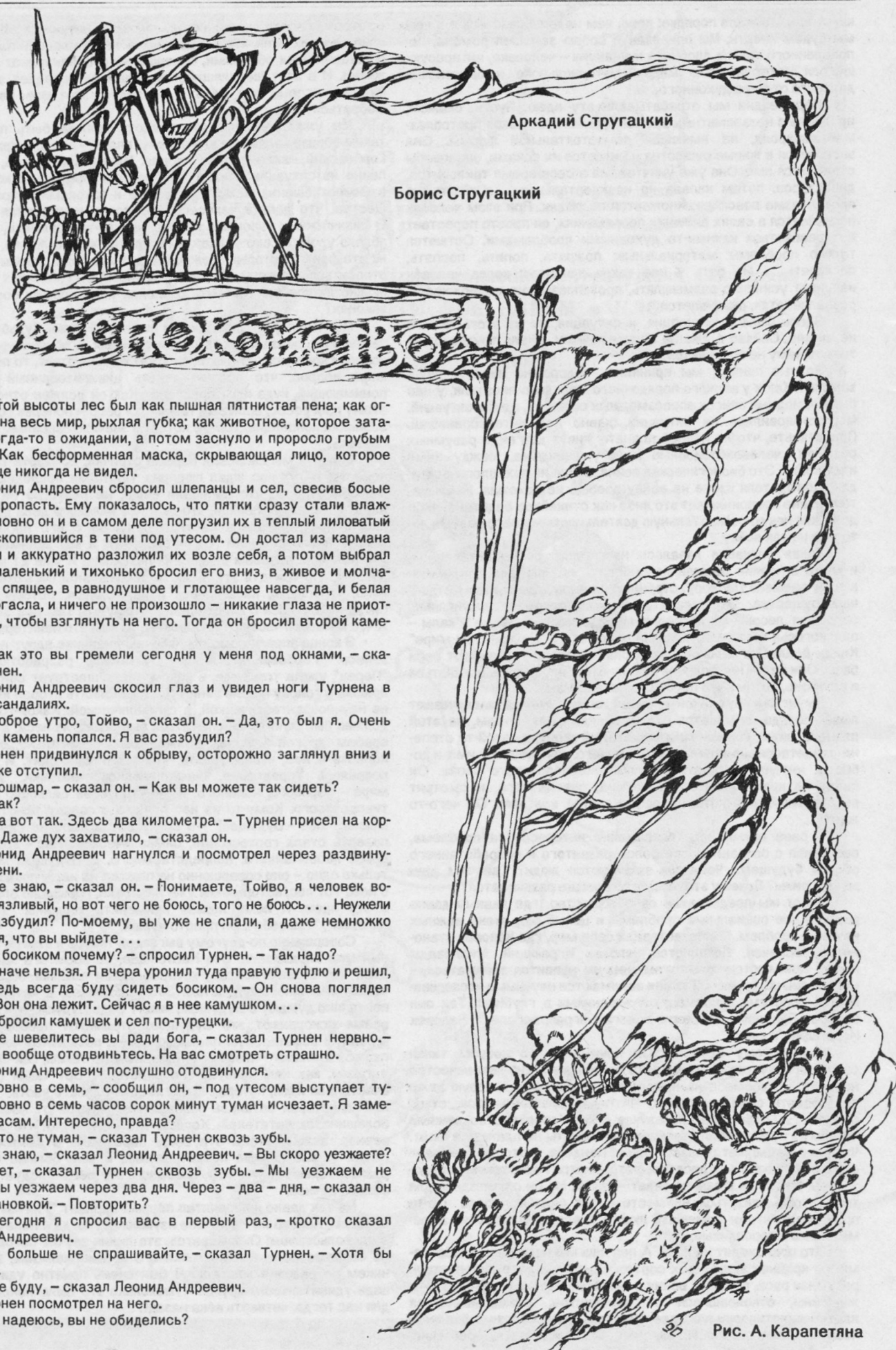

1990 № 3

ФАНТАЗИА

Аркадий Стругацкий

Борис Стругацкий

С этой высоты лес был как пышная пятнистая пена; как огромная, на весь мир, рыхлая губка; как животное, которое затаилось когда-то в ожидании, а потом заснуло и проросло грубым мохом. Как бесформенная маска, скрывающая лицо, которое никто еще никогда не видел.

Леонид Андреевич сбросил шлепанцы и сел, свесив босые ноги в пропасть. Ему показалось, что пятки сразу стали влажными, словно он и в самом деле погрузил их в теплый лиловатый туман, скопившийся в тени под утесом. Он достал из кармана камешки и аккуратно разложил их возле себя, а потом выбрал самый маленький и тихонько бросил его вниз, в живое и молчаливое, в спящее, в равнодушное и глотающее навсегда, и белая искра погасла, и ничего не произошло — никакие глаза не приоткрылись, чтобы взглянуть на него. Тогда он бросил второй камешек.

— Так это вы гремели сегодня у меня под окнами, — сказал Турнен.

Леонид Андреевич скосил глаз и увидел ноги Турнена в мягких сандалиях.

— Доброе утро, Тойво, — сказал он. — Да, это был я. Очень твердый камень попался. Я вас разбудил?

Турнен придвинулся к обрыву, осторожно заглянул вниз и сейчас же отступил.

— Кошмар, — сказал он. — Как вы можете так сидеть?

— Как?

— Да вот так. Здесь два километра. — Турнен присел на корточки. — Даже дух захватило, — сказал он.

Леонид Андреевич нагнулся и посмотрел через раздвинутые колени.

— Не знаю, — сказал он. — Понимаете, Тойво, я человек вообще боязливый, но вот чего не боюсь, того не боюсь... Неужели я вас разбудил? По-моему, вы уже не спали, я даже немножко надеялся, что вы выйдете...

— А босиком почему? — спросил Турнен. — Так надо?

— Иначе нельзя. Я вчера уронил туда правую туфлю и решил, что впредь всегда буду сидеть босиком. — Он снова поглядел вниз. — Вон она лежит. Сейчас я в нее камушком...

Он бросил камушек и сел по-турецки.

— Не шевелитесь вы ради бога, — сказал Турнен нервно. — И лучше вообще отодвиньтесь. На вас смотреть страшно.

Леонид Андреевич послушно отодвинулся.

— Ровно в семь, — сообщил он, — под утесом выступает туман. А ровно в семь часов сорок минут туман исчезает. Я заметил по часам. Интересно, правда?

— Это не туман, — сказал Турнен сквозь зубы.

— Я знаю, — сказал Леонид Андреевич. — Вы скоро уезжаете?

— Нет, — сказал Турнен сквозь зубы. — Мы уезжаем не скоро. Мы уезжаем через два дня. Через — два — дня, — сказал он с расстановкой. — Повторить?

— Сегодня я спросил вас в первый раз, — кротко сказал Леонид Андреевич.

— И больше не спрашивайте, — сказал Турнен. — Хотя бы сегодня.

— Не буду, — сказал Леонид Андреевич.

Турнен посмотрел на него.

— Я надеюсь, вы не обиделись?

Рис. А. Карапетяна

— Ну что вы, Тойво...
 — А вы тоже не любите охоту?
 — Терпеть я ее не могу.
 Турнен опустил глаза.
 — Чтобы вы делали на моем месте? — спросил он.
 — На вашем месте? Ну что бы я делал... Ходил бы за женой по лесу и носил бы ее... этот... ружье... и разные огнестрельные.
 — А вам не кажется, что это было бы глупо?
 — Зато спокойно. Мне нравится, когда спокойно.
 Турнен поджал губы и покачал головой.
 — Она не выносит, когда я таскаюсь следом. Она раздражается, нервничает, все время промахивается. И егеря злятся... Так что я предпочитаю оставаться. В конце концов можно представить себе, что это даже полезно... Здоровое волнение, этакое взбадривание...
 — Действительно, — сказал Леонид Андреевич, — как это мне сразу не пришло в голову? Все эти наши страхи — просто нормальная функция застоявшегося воображения... Ведь что такое этот лес? А?
 — Да, — сказал Турнен. — Что он, собственно, такое?
 — Ну, тахорги... Ну, туман, который, правда, не туман... Смешно!
 — Какие-то там блуждающие болота, — проговорил Турнен, усмехаясь.
 — Насекомые! — сказал Леонид Андреевич и поднял палец. — Вот насекомые — это действительно неприятно.
 — Ну, разве что насекомые...
 — Да. Так что, я думаю, мы совершенно напрасно беспокоимся.
 — Слушайте, Горбовский, — сказал Турнен, — почему-то, когда я разговариваю с вами, мне всегда кажется, что вы надо мною издеваетесь.
 Леонид Андреевич поднял брови.
 — Странно, — сказал он. — Честное слово, я действительно думаю, что мы с вами напрасно беспокоимся.
 Они помолчали.
 — Я беспокоюсь о своей жене, — сказал Турнен. — А вот о чем беспокоитесь вы, Горбовский?
 — Я? Кто вам сказал, что я беспокоюсь?
 — Вы все время говорите: "мы"...
 — А-а... Ну, это просто... Вы только не подумайте, что я тоже беспокоюсь за вашу жену. Если бы вы видели, как она на двести шагов...
 — Я видел, — сказал Турнен.
 — И я тоже видел. Поэтому я несколько за нее не беспокоюсь.
 Он замолчал. Турнен подождал немного и спросил:
 — Все?
 — Что — все?
 — Больше вы ничего мне не скажете?
 — Ничего.
 — Тогда пойдемте завтракать, — сказал Турнен, поднимаясь.
 Леонид Андреевич тоже поднялся и запрыгал на одной ноге, натягивая шлепанец.
 — Ох, — сказал Турнен. — Да отойдите же вы от края!
 — Уже все, — сказал Леонид Андреевич, притопывая. — Сейчас отойду.
 Он последний раз посмотрел на лес, на плоские пористые пласты его у самого горизонта, на его застывшее грозное кипение, на липкую паутину тумана в тени утеса.
 — Хотите бросить камушек? — сказал он, не оборачиваясь.
 — Что?
 — Бросьте туда камушек.
 — Зачем?
 — Я хочу посмотреть.
 Турнен открыл рот, но ничего не сказал. Он подобрал камень и, размахнувшись, швырнул его в пропасть. Потом он поглядел на Горбовского.
 — Я еще мог бы напомнить, — сказал Леонид Андреевич, — что с нею Вадим Сартаков, а это самый опытный егерь на базе. Турнен все смотрел на него.
 — А ищейку настраивал сам Поль, а это значит...
 — Все это я помню, — сказал Турнен. — Я спрашивал вас совсем не об этом.
 — Правда? — сказал Горбовский. — Значит, я вас неправильно понял.

Алик Кутнов пил томатный сок, держа стакан двумя толстыми красными пальцами. На месте Риты почему-то располо-

жился тот молодой человек с громким голосом, что прибыл вчера на спортивном корабле, и Турнен сидел, нахохлившись, не поднимая глаз от своей тарелки, и резал на тарелке кусочек сухого хлеба — пополам и еще раз пополам, и еще раз пополам...

— Или, например, Ларни, — сказал Алик, взбалтывая в стакане остатки сока. — Он видел треугольный пруд, в котором купались русалки.

— Русалки! — сказал новичок с восторгом. — Превосходно!

— Да-да, самые обыкновенные русалки. Вы не смейтесь, Марио. Я же вам говорю, что наш лес немножечко не похож на ваши сады. Русалки были зеленые и необычайно красивые, они плескались в воде... Только у Ларни не было времени ими заниматься, у него истек срок биоблокады, но он говорит, что запомнил их смех на всю жизнь. Он говорит, что это было как громкий комариный звон.

— А может быть, это и был комариный звон? — предположил Марио.

— У нас все может быть, — сказал Алик.

— И может быть, биоблокада к тому времени у него уже ослабела?

— Может быть, — охотно согласился Алик. — Он вернулся совсем больной. Но вот, скажем, скачущие деревья я видел сам и неоднократно. Это выглядит так. Огромное дерево срывается с места и перепрыгивает шагов на двадцать.

— И не падает при этом?

— Один раз упало, но сейчас же поднялось, — сказал Алик.

— Великолепно! Вы просто прелестны! Ну а зачем же они скачут?

— Этого, к сожалению, никто не знает. О деревьях в нашем лесу вообще мало что известно. Одни деревья скачут, другие деревья плюют в прохожего едким соком пополам с семенами, третьи еще что-нибудь... Вот в километре от Базы есть, например, такое дерево. Я, например, остаюсь возле него, а вы отправляетесь точно на восток и в трех километрах трехстах семидесяти двух метрах находите второе такое же дерево. И вот когда я режу ножом свое дерево, ваше дерево вздрагивает и начинает топорщиться. Вот так. — Алик показал руками, как топорщится дерево.

— Понимаю! — воскликнул Марио. — Они растут из одного корня.

— Нет, — сказал Алик. — просто они чувствуют друг друга на расстоянии. Фитотелепатия. Слыхали?

— А как же, — сказал Марио.

— Да, — сказал Алик лениво, — кто об этом не слышал... Но вот чего вы, наверное, не слышали, так это что в лесу есть еще люди кроме нас. Их видел Курода. Он искал Сидорова и видел, как они прошли в тумане. Маленькие и чешуйчатые, как ящеры.

— У него тоже кончалась биоблокада?

— Нет, просто он любит приврать. Не то что я, скажем, или вы. Правда, Тойво?

— Нет, — сказал Турнен, не поднимая глаз. — Вранья вообще не бывает. Все, что выдуманно — возможно.

— В том числе и русалки? — спросил Марио. Видимо, он подумал, что его мрачный сосед тоже наконец решил пошутить. Турнен посмотрел на него. По лицу его было видно, что шутить он не собирается.

— Я их вижу, — сказал он. — И треугольный пруд. И туман, и зеленую луну. Все это я вижу так отчетливо, что могу описать во всех подробностях. Для меня это и есть критерий реальности, и он не хуже любого другого.

Марио неуверенно улыбнулся. Он все еще надеялся, что Турнен шутит.

— Превосходная мысль, — сказал он. — Отныне нам не нужны лаборатории. Субэлектронные структуры? Я вижу их. Могу описать, если хотите. Они так и переливаются. И треугольно-зеленые.

— Мне лаборатории не нужны уже давно, — произнес Турнен. — Они, по-моему, вообще никому не нужны. Вряд ли они помогут вам представить субэлектронные структуры.

Лицо Марио утратило готовность к веселью. Обнаружилось, что глаза у него совсем не детские.

— Я — физик, — сказал он. — Я легко представляю себе субэлектронные структуры без фигур и цветов.

— И что же дальше? — сказал Турнен. — Ведь я тоже могу представить себе эти структуры. И еще многое такое, для чего вы пока не придумали закорючек, значков и греческих букв.

— Ваши представления, может быть, и годятся для вашего личного употребления, но беда в том, что на них далеко не уедешь.

— На представлениях давно уже никто не ездит. Не вижу,

чем мои представления хуже ваших.

— На представлениях физики вы приехали сюда и уедете отсюда, а ваши представления годятся только для застольных парадоксов.

— Я мог бы вам напомнить, что идея деритринитации возникла тоже из застольного парадокса. Да и все идеи возникли из застольных парадоксов. Все фундаментальные идеи выдумываются, и вы это прекрасно знаете. Они не висят на концах логических цепочек. Но дело ведь даже не в этом. Что дальше? Ну не смог бы я прилететь сюда. И что? Ведь я не увидел здесь ничего такого, чего не мог бы представить себе, сидя дома.

Леонид Андреевич не стал слушать, что там отвечает физик. Он посмотрел на Алика. Инженер-водитель тосковал. Просто встать и уйти ему, наверное, было неловко, наверное, он боялся, что это будет выглядеть демонстративно. Спор же ему был до одурения скучен. Сначала он порывался встрянуть и направить беседу в другое русло и даже сказал: "Между прочим, в прошлом году..." Потом съел кусочек маринованной минюги. Потом сотворил из салфетки кораблик. Потом с надеждой взглянул на часы, но нужное ему время еще, по-видимому, не пришло. И не то, чтобы спор был ему непонятен, он слышал тысячи таких споров — и когда сидел, обливаясь потом, за рулем вездехода, идущего через заросли, и здесь, в столовой, и в мастерских Базы, и даже на танцевальной веранде. Просто все это было ему бесконечно чуждо. Он любил конкретности своего времени: ощущение микронных зазоров в кончиках пальцев, спокойный и правильный гул могучих двигателей, блеск приборов в качающейся кабине. И он всю жизнь с кротким недоумением следил за тем, как эти конкретности теряют смысл на Земле, оттесняются на периферию Большой Жизни, уходят на далекие дикие планеты, и он отступал и уходил вместе с ними, любя их по-прежнему, но постепенно теряя уверенность в их (и своей) нужности, потому что, если на этих диких мирах и нельзя обойтись без его искусства и его вездеходов, то люди, кажется, намереваются обойтись без самих этих миров. Таких, как инженер-водитель Алик Кутнов, было много, гарнизоны инопланетных баз комплектовались теперь в основном из них. Это были очень способные люди (неспособных людей вообще не бывает), но области приложения их способностей неумолимо уходили в прошлое, и большинству Аликов еще предстояло понять это и искать выход.

— Вы безобразно самоуверенны, — говорил Турнен. — Вы воображаете, что оседлали наконец историю человечества. Но вы никак не можете понять, что не нужны никому, кроме самих

себя, и не нужны уже давно...

— Человечество тоже никому не нужно, кроме самого себя. Вы ничего не утверждаете, вы только отрицаете...

Алик Кутнов мастерил второй кораблик. С мачтой.

В том-то и беда. Человечество никогда никому не было нужно, кроме самого себя. Да и самому себе оно стало нужным не так уж давно. А дальше? Дальше была равнина, и по равнине пролегали широкие дороги, и петляли едва заметные тропинки, и все они вели за горизонт, а горизонт скрывала мгла, и не видно было, что в этой мгле. Может быть, все та же равнина, может быть, гора. А может быть, и наоборот. И не видно было, какие дороги сузятся в тропинки, и какие тропинки расширятся в дороги...

— Алик, — сказал Леонид Андреевич, — что вы делаете, когда по незнакомой дороге вы подъезжаете к незнакомому лесу?

— Снижаю скорость и повышаю внимание, — ответил Алик, не задумываясь.

Леонид Андреевич посмотрел на него с восхищением.

— Вы молодец, — сказал он. — Все бы так.

— Да, — оживился Алик. — Вот в прошлом году...

Снизить скорость и повысить внимание. Очень точно сказано. А за рулем восседает молодой широкоплечий парень, ему весело мчаться по прямой дороге, а лес все ближе, и парню кажется, что вот там-то и есть самое интересное, и он влетает в лес на полной скорости, не потрудившись узнать, по-прежнему ли прямая дорога в лесу, или она обернулась там тропинкой или оборвалась болотом.

— И после этого, — сказал Алик, — мы больше туда никогда не ездили. — Он посмотрел на часы. — Вот теперь я пойду, — сказал он.

— И я тоже, — сказал Леонид Андреевич.

Физик посмотрел на них незрячими глазами, не переставая говорить. Турнен опять резал хлеб.

Когда они вышли из столовой, Леонид Андреевич спросил Алика:

— Неужели все, что вы говорили этому физiku — выдумка?

— А что я ему говорил?

— Про русалок, про чешуйчатых людей...

Алик ухмыльнулся.

— Да как вам сказать... По-моему, все это вранье. Курода никто не верит, а Ларни болел... Да вы сами, Леонид Андреевич, бывали в лесу. Ну какие там могут быть люди? И тем более русалки...

— Я так и подумал, — сказал Леонид Андреевич.

Кабинет Поля Гнедых, директора Базы и начальника службы индивидуальной безопасности, находился на самом верхнем ярусе Базы. Леонид Андреевич поднялся к нему на эскалаторе.

Кабинет Поля с экранами и селекторами межзвездной, планетной и внутренней связи с фильмотеками, с информарием, с планетографическими картами олицетворял на Пандоре то же, что здание Мирового Совета на Земле: здесь было сосредоточено управление планетой. Но в отличие от Мирового Совета директор Базы реально мог управлять только ничтожным кусочком территории своей планеты, крошечным каменным архипелагом в океане леса, покрывавшего континент. Лес не только не подчинялся Базе, он противостоял ей со всеми ее миллионными лошадиных сил, с ее вездеходами, дирижаблями и вертолетами, с ее вирусифобами и дезинтеграторами. Собственно, он даже не противостоял. Он просто не замечал Базы.

— Иногда мне хочется взорвать там что-нибудь, — сказал Поль, глядя в окно.

— Где именно? — сейчас же спросил Леонид Андреевич.

— В самой середине.

— Тогда бы мы даже не увидели взрыва, — сказал Леонид Андреевич. — А уехать вам отсюда иногда не хочется?

— Иногда хочется, — сказал Поль. — Когда много туристов. Когда на всех не хватает егерей и они начинают бунтовать и требовать права на самообслуживание.

— Вы им не разрешайте, — попросил Леонид Андреевич. — Я вот тут пошел без егеря, чуть не заблудился.

— Знаю, — мрачно сказал Поль. — А почему вы не берете с собой карабина, когда выходите, Леонид Андреевич?

— Какого карабина?

— Любого!

Леонид Андреевич поморгал.

— Боюсь, — сказал он.

— Не понимаю.

— Боюсь, — пояснил Леонид Андреевич. — Вдруг выстрелит.

— Ну?

— Ну и попадет в кого-нибудь...

Некоторое время Поль смотрел на него. Потом вынул из шкафа свой карабин и подошел к Леониду Андреевичу.

— Вот здесь в прикладе, — сказал он терпеливо, — встроен маленький радиопередатчик. Где бы вы ни находились...

— Да нет, я это знаю... — сказал Леонид Андреевич.

— Так в чем же дело?

— Хорошо. — Леонид Андреевич взял карабин и отсоединил приклад. — Так? — спросил он. — Теперь я буду брать эту деревяшку с собой. Буду носить ее в своем... ядг... ягд... в охотничьей сумке. — Он вставил приклад на место и вернул карабин Полю. — Вы довольны, Поль?

Поль пожал плечами.

— Не понимаю. Вы что, кокетничаете?

— Нет, — сказал Леонид Андреевич. — Я капризничаю.

— Когда мы с Атосом писали о вас сочинение... это было очень много лет назад... мы изображали вас совсем не таким.

— А каким же? — спросил польщенный Леонид Андреевич.

— Вы были велик. У вас горели глаза...

— Всегда?

— Практически всегда.

— А когда я спал?

— В наших сочинениях вы никогда не спали. Вы вели корабль сквозь магнитные бури, сквозь бешеные атмосферы. Руки у вас были, как сталь, и вы были стремительны...

— Так я и сейчас такой! — вскричал Леонид Андреевич. — Где здесь корабль?

Он вскочил, выхватил у Поля карабин, приложился, прищурив один глаз, и закричал:

— Тра-та-та-та!..

Потом он опустил карабин и спросил:

— Ну как?

— Не то, — сказал Поль, безнадежно махнув рукой. — Интеллекта нет.

— Очень мне нужен интеллект, — обиженно сказал Леонид Андреевич.

Он снова лег в кресло и спросил:

— Я вам не мешаю?

— Нет, — сказал Поль, пряча карабин в шкаф. — Я только все удивляюсь: что вы у нас на Базе делаете?

— А вы никому не расскажете? — спросил Леонид Андреевич.

— Если не хотите, нет, не расскажу.

— Я ухаживаю, — сказал Леонид Андреевич.

Поль сел.

— Это за кем же? — спросил он. — Неужели за Ритой Сергеевной?

— А что, заметно?

— Да есть такое мнение.

— Так вот я не за ней ухаживаю, — оскорбленно сказал Леонид Андреевич. — Я ухаживаю совершенно за другой женщиной. Она уже давно улетела.

— Ага, — сказал Поль. — А вы, значит, остались на медовый месяц.

— Вы циничны, — сказал Леонид Андреевич. — Мы не пойдем друг друга. Расскажите мне лучше, что сегодня новенького.

— Рита Сергеевна застрелила тахорга, — сказал Поль значительно.

— Молодец. А еще?

— На вверенной мне Базе за истекшие сутки ничего не случилось, все в порядке, недостатка ни в чем не испытываем, — сказал Поль.

— А на базах, которые вам не вверены?

— Какие имеются в виду?

— Земля, например. Или, скажем, Радуга.

— На Земле тоже недостатка ни в чем не испытывают. Испытывают избыток. А на Радуге... Знаете что, Леонид Андреевич, сводки уже в типографии, через полчаса прочтете сами.

— Нет, — сказал Леонид Андреевич. — Я хочу узнать что-нибудь первым. Ведь вы же про меня сочинение писали, Поль. Расскажите мне что-нибудь особенное. Чего нет в сводках.

— Вас интересуют сплетни? — осведомился Поль.

— Очень, — сказал Леонид Андреевич.

— Жаль. Сплетен у меня нет. По Д-связи сплетен не передают. По Д-связи нынче передают черт знает что.

Леонид Андреевич сейчас же вытащил записную книжку и приготовил авторучку.

— Нет, серьезно, — продолжал Поль. — Сегодня ночью вдруг прервали передачу ядерного прогноза и выдали нам какую-то

шифровку на имя Мостепаненко. Без имени адресанта. Это уже третий случай. На прошлой неделе была шифровка некоему Герострату, а на позапрошлой — Пеккелису. На мой запрос не ответили. Идиотство какое-то.

— Да, — сказал Леонид Андреевич. — Но зато интересно.

Он нарисовал в записной книжке женскую головку и написал под ней печатными буквами: ИДИОТСТВО; ИДИОТСТВО; ИДИОТСТВО...

— Герострат... — сказал он. — Какой же это Герострат? Не тот ли? Вообще в свете современной физической теории вполне можно предположить...

— Кто-то идет, — сказал Поль, и Леонид Андреевич замолчал. В кабинет вбежал человек.

Леонид Андреевич не знал его, но было видно, что это человек из леса и что он взволнован, и Леонид Андреевич сел прямо и сунул записную книжку в карман.

— Связь! — сказал человек, задыхаясь. — Когда будет связь, Поль?

Он был в комбинезоне, отстегнутый капюшон болтался у него на груди на шнурке рации. От башмаков до пояса комбинезон щетинился бледно-розовыми стрелками молодых побегов, правая нога была опутана оранжевой плетью лианы, волочащейся по полу, и казалось, что это щупальце самого леса, что оно сейчас напряжется и потянет человека обратно, через коридоры управления, вниз по эскалатору, и через аэродром, к обрыву, к башне лифта, но не в лифт, а мимо, вниз...

— Выйди отсюда, — сердито сказал Поль.

— Ты ничего не понимаешь, — задыхаясь сказал человек. Лицо его было в красных и белых пятнах, глаза выкачены. — Когда будет связь?

— Курода! — железным голосом сказал Поль. — Выйдите вон и приведите себя в порядок!

Курода остановился.

— Поль, — сказал он и сделал странное движение головой, словно у него чесалась шея. — Честное слово, мне срочно нужно! Леонид Андреевич снова лег. Поль подошел к Курода, взял его за плечи и повернул лицом к двери.

— Формалист, — сказал Курода плаксиво. — Бюрократ.

— Стой, не двигайся, — сказал Поль. — Шляпа! Дай пакет.

Курода снова сделал странное движение головой, и Леонид Андреевич увидел на его тощей подбритой шее, в самой ямочке под затылком коротенький бледнорозовый побег, тоненький, острый, уже завивающийся спиралью, дрожащий, как от жадности.

— Что там, опять подхватил? — спросил Курода и полез в нагрудный карман. — Нет у меня пакета... Слушай, Поль, ты мне можешь сказать, когда будет связь?

Поль что-то делал с его шеей, что-то уминал и массировал длинными пальцами, брезгливо оскалившись и бормоча что-то несласковое.

— Стой смирно, — прикрикнул он. — Не дергайся! Ну что ты за шляпа!

— Вы поймали чешуйчатого человека? — спросил Леонид Андреевич.

— Чепуха! — сказал Курода. — Я не говорил, что эти люди были чешуйчатые... Поль, ты скоро? Это надо послать им в первую очередь! Ай!

— Все, — сказал Поль. Он отошел от Куроды и бросил что-то полуживое, корчащееся, окровавленное в диспенсер. — Немедленно к врачу. Связь в семь вечера.

Лицо Куроды вытянулось.

— Попроси экстренный сеанс! — сказал он. — Ну что это такое — ждать до семи вечера?

— Хорошо, хорошо, иди, потом поговорим.

Курода неохотно пошел к двери, демонстративно волоча ноги. Розовые побеги на его комбинезоне уже увядали, сморщивались и осыпались на пол. Когда он вышел, Поль сказал:

— Обнаглели. Вы представить себе не можете, Леонид Андреевич, до чего мы все обнаглели. Никто ничего не боится. Как дома. Поиграл в садике — и к маме на коленки, прямо как есть, в землю и песочке. Мама вымоет...

— Да, обнаглели немощно, — негромко проговорил Леонид Андреевич. — Я рад, что вы это замечаете.

Поль Гнедых не слушал. Он смотрел в окно, как Курода сбегает по эскалатору, волоча за собой обрывок лианы.

— Похож на Атоса, — сказал он вдвур. — Только Атос, конечно, никогда не пришел бы в таком виде. Вы помните Атоса, Леонид Андреевич? Он писал мне, что когда-то работал с вами.

— Да, на Владиславе. Атос-Сидоров.

— Он погиб, — сказал Поль, не оборачиваясь. — Давно уже.

Где-то вон там... Жалко, что он вам не понравился.
Леонид Андреевич промолчал.

2

Голос дежурного произнес:

— Экстренный сеанс Д-связи. Земля вызывает Горбовского Леонид Андреевича. Говорите, Леонид Андреевич...

Поль поднялся, чтобы выйти, но Горбовский сказал:

— Куда вы, Поль? Останьтесь! Какие у меня с Землей могут быть секреты? Да еще по Д-связи... Горбовский слушает, — сказал он в микрофон. — Это кто?.. Кто?! А если по буквам? Нет, на экране ничего не разберу... Ботва какая-то на экране... Бот-ва!.. Да... А-а, Павел!? Так бы и говорил. Ну, как ты живешь?!

Связь была на редкость плохая. Изображение на экране напоминало полуразрушенную древнюю фреску, а Горбовский все время морщился и переспрашивал, вдавливая пальцем в ухо горшину репродуктора. Поль присел в кресло для посетителей и стал разбирать сводки.

— Как тебе сказать... Более или менее отдохнул... Что?.. А-а, да, неплохо... Пока все в порядке. А почему ты вдруг заинтересовался?.. Ну-ну!.. Опять... А нельзя ли как-нибудь этого Прянишкова временно посадить под замок? Чтобы не открывал... Закрывать надо, а не работать! Слышишь? Закрывать! Контакт уже установлен?.. Ну вот. Только этого нам и не хватало... Да. Я всегда очень интересовался этим вопросом. Только не в этом смысле, как ты думаешь... Я говорю: интересовался, только в другом смысле! В негативном смысле, понимаешь? В негативном!.. В смысле "да минет нас чаша сия"!.. Правильно ты понимаешь. Решительно против. Это открытие нужно закрыть, пока еще не поздно! Вы не даете себе труд подумать, что вы там делаете!..

За окном был дождь и туман. Настоящий туман. Тянуло сыростью и запахом леса, неприятным острым запахом, который в обычные дни не поднимался на такую высоту. Издалека, из очень далекого далека слабо доносились урчание грома. Поль записал для памяти на полях сводки: "В 15.00 пожарная тревога, в 17.00 биологическая тревога".

— ... Да, мне здесь очень хорошо сидеть... А в печати нужны контр-выступления... Ты мне скажи вот что. Чего тебе от меня нужно? Только прямо и без дипломатии, потому что плохо слышно... Не скажу я этого. Как я могу тебе это сказать, если я считаю, что — нет?.. Представляю. Действительно, глупо. Надо как-то сдерживать... Откуда вы там взяли, что это общественная потребность? Стоит компании мальчишек поднять шум, как вы... Да!.. Да, я — нет. Решительно — нет... Нет!.. Слушай, Павел. Я об этом думаю уже лет десять... Давай

лучше я подумаю еще лет десять, а?.. Кстати, какой это чудак посылает сюда шифровки на имя Герострата?... Как много тебе нужно, чтобы я оставался твоим любимейшим другом. Ладно, передай им так. Только имей в виду, что я все равно скажу — нет... Ну как... Как ты сам только что сказал. Леонид-мол Горбовский... Ах, на магнитофон... А что я старый стал, ты тоже записываешь?... Значит, так... Э-э... Я... м-м-м... глубоко убежден в том, что в настоящее время всякие акции подобного рода могут иметь далеко идущие и даже катастрофические для человечества последствия. Хорошо я сказал?... Так. Ты не хочешь, чтобы я заставлял тебя врать, но ты хочешь, чтобы врал я сам?... Не буду я врать, Павел. И вообще имей в виду: этот вопрос не в нашей компетенции. Теперь этот вопрос уже в компетенции Мирового Совета... Вот я и даю Мировому Совету рекомендацию... Да, мне здесь хорошо сидеть, и никаких проблем... Будь здоров.

Поль поднял глаза. Горбовский медленно вынул из ушей репродукторы, осторожно положил их в кювету с раствором и некоторое время сидел, помаргивая и постукивая пальцами по поверхности стола. Лицо у него стало желчным.

— Поль, — сказал он, — вы давно здесь?

— Четвертый год.

— Четвертый год... А до вас кто был?

— Максим Хайроуд, а до него — Ральф Ионеско, а кто был до Ральфа — я уже не знаю. Вернее, не помню. Узнать?

Горбовский, казалось, не слушал.

— А чем вы занимались до Пандоры? — спросил он.

— Года два охотился, а до этого работал на мясомолочной ферме. На Волге.

Это не было похоже на беседу. Горбовский задавал вопросы таким тоном, как будто собирался пригласить Поля на работу.

— Поль, если не секрет, как случилось, что вы сменили здесь Макса?

— Я работал у Максима старшим егерем. При нем здесь погибли двое туристов и один биолог, и он ушел. Меня назначили начальником по традиции.

— Это вам Макс сам сказал?

— Что именно?

Горбовский повернулся и посмотрел на Поля.

— Макс ушел потому, что не выдержали... нервы?

— Мне кажется, да. Он очень мучился. Со мной он, конечно, не говорил ни о чем подобном, но я знаю, что последнее время он не спал ночей. Каждый раз, когда кто-нибудь выходил на связь нерегулярно, он менялся в лице. Это я видел сам.

— Да-а... — протянул Горбовский. Потом он встрепенулся. — Что же это я тут расселся? Садитесь на свое место, Поль, а я сяду туда. Если вы меня не выгоняете, конечно.

Они поменялись местами. Несколько секунд Горбовский сидел в кресле для посетителей очень прямо и выжидательно смотрел на Поля, потом осторожно прилег.

Лет пять назад, — сказал он, — мне пришлось участвовать в увлекательнейшей охоте. Мой друг Кондратьев... Вы слышали о нем, конечно, он недавно умер... Кондратьев пригласил меня охотиться на гигантских спрутов. Не припомню, чтобы какое-нибудь другое существо вызывало у меня такое же отвращение и инстинктивную ненависть. Одного я убил, второго сильно покалечил, но он ушел. А спустя два месяца появилась хорошо вам, вероятно, известная статья Лассвица.

Поль сдвинул брови, пытаясь вспомнить.

— Лассвиц, Лассвиц... Хоть убейте, не помню, Леонид Андреевич.

— А я помню, — сказал Горбовский. — Вы знаете, у человечества есть, по крайней мере, два крупных недостатка. Во-первых, оно совершенно не способно созидать, не разрушая. А во-вторых, оно очень любит так называемые простые решения. Простые, прямые пути, которые оно почитает кратчайшими. Вам не пришлось думать по этому поводу?

— Нет, — сказал Поль, улыбаясь, — боюсь, что не приходилось.

— А как у вас обстоят дела с эмоциями, Поль?

— Думаю, что обстоят хорошо. Я могу любить, могу ненавидеть, могу презирать, могу уважать. По-моему, спектр полный. Да, еще могу удивляться. Вот как сейчас, например. Горбовский тоже вежливо улыбнулся.

— А такая эмоция, как разочарование, вам знакома? — спросил он.

— Разочарование... Еще бы! Я всю жизнь только и делаю, что разочаровываюсь.

— Я тоже, — сказал Горбовский. — Я был очень разочарован,

когда выяснилось, что расшатать инстинкты у человека еще труднее, чем расшатать наследственность. Я был очень разочарован, когда оказалось, что мы интересуемся Странниками гораздо больше, чем Странники — нами...

— Правильнее сказать, Странники нами вовсе не интересуются.

— Вот именно. Я несколько приободрился, — продолжал Горбовский, — когда наметились успехи алгоритмизации человеческих эмоций, мне казалось, что это открывает широкие и довольно ясные перспективы. Но боже мой, как я был разочарован, когда мне довелось поговорить с первым кибернетическим человеком!.. Вы знаете, Поль, у меня такое впечатление, что мы можем чрезвычайно много, но мы до сих пор так и не поняли, что из того, что мы можем, нам действительно нужно. Я боюсь, что мы не поняли даже, чего мы, собственно, хотим. Вы чего-нибудь хотите, Поль?

Поль вдруг ощутил усталость. И какое-то недоверие к Горбовскому. Ему показалось, что Горбовский смеется над ним.

— Не знаю, — сказал он. — Хочу, конечно. Например, очень хочу, чтобы меня полюбила женщина, которую я люблю. Чтобы охотники возвращались из леса благополучно. Чтобы мои друзья не погибали неизвестно где. Вы об этом спрашиваете, Леонид Андреевич?

— Но достаточно ли вы хотите этого?

— Думаю, что достаточно, — сказал Поль и взял сводку.

— Странно, — сказал Горбовский задумчиво. — Последнее время я все чаще замечаю, что раздражаю людей. Раньше этого не было. Не пора ли и мне заняться чем-нибудь другим?

— А чем вы занимаетесь сейчас? — спросил Поль, делая пометки на полях сводки.

— Вот вы даже из вежливости не сказали, что я вас вовсе не раздражаю. Но кто-то же должен раздражать! Слишком стало все определено, слишком все уверенно... Я, пожалуй, пойду, Поль. Пойду побросаю камешки. Вот уж что, кажется, никого не раздражает, как я ни стараюсь... — Он сделал попытку встать и снова лег, глядя на окно, по которому текли крупные капли.

Поль засмеялся и бросил карандаш.

— Вы действительно иногда действуете на нервы, Леонид Андреевич. Но снаружи мокро и неудобно, так что лучше останьтесь. Вы мне не мешаете.

— В конце концов нервы тоже нужно тренировать, — заметил Горбовский задумчиво. — Тренировать свою способность к восприятию. Иначе человек становится невосприимчивым, а это скучно.

Они замолчали. Горбовский, кажется, задремал в своем кресле. Поль работал. Потом секретарь-автомат доложил, что егерь Сименон с туристом-новичком явились на инструктаж. Поль приказал звать.

Вошел маленький чернявый Сименон в сопровождении новичка, физика Марио Пратолини, оба в комбинезонах, увешанные снаряжением, при карабинах и охотничьих ножах. Сименон был как всегда угрюм, а Марио сиял и лоснился от удовольствия и волнения. Поль встал к ним навстречу. Горбовский открыл глаза и стал смотреть. На лице его появилось сомнение, и Поль сразу понял, в чем дело: новичок был явно плох.

— Куда отправляетесь? — спросил Поль.

— Пробный выход, — ответил Сименон. — Первая зона. Сектор шестнадцать.

— Я не такой уж и новичок, директор, — сказал Марио с веселым достоинством. — Я уже охотился на Яйле. Может быть, можно обойтись без пробы?

— Нет, без пробы нельзя, — сказал Поль. Он вышел из-за стола и остановился перед Марио. — Без пробы нельзя, — повторил он. — Инструкцию изучили?

— Два дня зубрил, директор. Мне приходилось охотиться на ракопауков, и мне говорили...

— Это несущественно, — мягко перебил Поль. — Давайте лучше поговорим о Пандоре. Вы потеряли егеря. Ваше решение?

— Даю серию сигнальных выстрелов и жду ответа, — отбарабанил Марио.

— Егерь не отвечает.

— Включаю рацию, сообщая вам.

— Действуйте.

Марио схватился за рацию, и Сименон едва успел подхватить его карабин. Горбовский опасливо поджал ноги.

— Не торопитесь, — посоветовал Поль, — и будем считать, что карабин вы уже утопили.

Марио воспринял это как шутку. По его движениям было видно, что рации вообще для него не диковинка, но не такие—

агрегаты из коротковолнового приемо-передатчика, радиометра и биоанализатора. Марио с сопением крутил верньеры, Поль ждал, а Сименон, держа у ноги оба карабина, смотрел в угол.

— Странно, — сказал, наконец, Марио. — Просто удивительно...

— Да нет, — сказал Поль. — Что же тут удивительного? Вы, собственно, чего хотите?

— Ах, да! — Марио вдруг осенило. — Так я получаю концентрацию белка... Ага... Белка много... Так. Сейчас. Готово! Передавать?

— Передавайте, — холодно сказал Поль.

— Э-э... А-аа... Постойте, я еще не подсоединил микрофон... — Марио засунул руку за воротник, ища шнур микрофона. — Вообще, если рассуждать логически, совершенно непонятно, как может потеряться егерь.

— Слева, слева, — мрачно подсказал Сименон.

— Да, — согласился Поль. — Егерю теряться совершенно незачем. Но можете потеряться вы.

Марио подсоединил микрофон и снова спросил:

— Передавать?

— Передавайте, — сказал Поль.

— Алло, алло, — сказал Марио стандартным радиоголосом, — База, База, говорит Пратолини, потерял егеря, жду указаний!

— Поль, — мрачно сказал Сименон. — В пробном выходе все это не так уж обязательно. Мы пройдем от ориентира к ориентир, я покажу ему тахорга, и мы вернемся менять белье...

— А в чем дело? — спросил Марио несколько раздраженно. — Меня не слышно? Как вы меня слышите? Алло!

— Слышу вас хорошо, — сказал Поль. — С запада на ваш сектор идет лиловый туман, приготовьтесь. Включайте пеленгатор и ждите на месте.

Марио включил пеленгатор и спросил:

— А что, лиловый туман — это существенно?

Поль повернулся к Сименону.

— Ты готовил его к выходу? — спросил он тихо.

Сименон покусал губу.

— Поль, — сказал он. — Мы идем в пробный выход.

— Ты ошибаешься, — сказал Поль ровным голосом. — Вы не идете в пробный выход. Вы сейчас идете в террарий и будете тщательно готовиться к пробному выходу. Не в кафе, а в террарий. И не рассказывать легенды, а готовиться к пробному выходу. А завтра я приму вас опять и посмотрю, как вы подготовились. Я вас не задерживаю.

— Прошу прощения! — воскликнул Марио. Глаза его засверкали. — Я не мальчик! Я охотился на Яйле, у меня не так уж много времени! Я приехал охотиться на Пандору! В пандорианский террарий я мог бы сходить и в Кэйптауне...

— Пойдем, пойдем, — сказал Сименон, взяв его за руку.

— Да нет, Жак, что значит — пойдем? Это странный, необъяснимый формализм! — Поль холодно смотрел ему в глаза. Марио стало неловко, и он стал смотреть на Горбовского — как на знакомого человека и соседа по столу в столовой. — На Яйле я не видел ничего подобного!

— Пойдем, пойдем, — повторил Сименон и потянул его за собой.

— Но я требую хотя бы объяснений! — гремел Марио, обращаясь уже прямо к Горбовскому. — Я терпеть не могу, когда со мной обращаются, как с каким-нибудь сопляком! Что это за вздор? Почему это у меня может вдруг потеряться егерь?

— Не сердитесь, Марио, — сказал Горбовский и улегся поудобнее. — Не надо так сердиться, а то на вас по-настоящему рассердятся. Вы ведь совсем-совсем не правы. Совсем-совсем. И ничего уж тут не поделаешь.

Марио несколько секунд смотрел на него, раздувая ноздри. Потом, произведя неопределенное движение рукой, он сказал:

— Это совсем другое дело. В конце-концов порядок должен быть во всем. Но могли мне сразу просто сказать, что я не прав...

— Да пойдем же! — в отчаянии вскричал Сименон.

— Жак, — сказал Поль им вслед. — В восемнадцать ноль-ноль зайдешь ко мне.

Горбовский неожиданно вскочил.

— Подождите, Жак! — закричал он. — Один вопрос! Можно? Что вы будете делать, если столкнетесь в лесу с неизвестным животным?

— Пристрелю и позову биологов, — зло ответил Сименон и скрылся за дверью.

— Гордец какой, — сказал Горбовский и снова повалился в кресло.

— Видали? — сказал Поль. — Ну, я им покажу пробный выход, они у меня вспомнят первый закон человечества. . . — Он вернулся за свой стол, отыскал давешнюю сводку и приписал на полях: "22.00 — радиологическая тревога и землетрясение. 24.00 — общая эвакуация". Затем он нагнулся над микрофоном секретаря и продиктовал: "В 18.00 совещание всего свободного от дежурства персонала у меня в кабинете".

Горбовский сказал:

— Очень вы грозны, Поль.

— Тем хуже для меня, — сказал Поль.

— Да, — согласился Горбовский. — Тем хуже для вас. Вы еще очень молодой начальник. Со временем это проходит.

Поль хотел ответить, что в конце-концов он предпочел бы вообще не быть начальником и что на благоустроенных планетах начальники вообще никому не нужны, как вдруг под потолком вспыхнул красный свет, и раздался оглушительный неприятный звон. Оба вздрогнули и разом повернулись к экрану аварийной связи. Поль включил прием и сказал:

— Директор слушает.

Послышался хриплый задыхающийся голос:

— Говорит Сартаков! Говорит Сартаков! Как меня слышно?

— Слышно хорошо, — нетерпеливо сказал Поль. — В чем дело?

— Поль! Мы свалились! Сектор семьдесят три, повторяю, сектор семьдесят три. Ты слышишь меня?

— Да, сектор семьдесят три. Продолжай. . .

— Пеленгаторы работают, люди целы, вертолет разрушен. Ждем помощи. Ты слышишь меня?

— Слышу отлично, жди на связи. . . — Поль положил руки на пульт. — Дежурный, говорит директор. Один дирижабль с одним вездеходом. На дирижабль группу Шестопала, на вездеход — Кутнова. Готовность доложить через десять минут. Полный аварийный запас. Повторите!

Дежурный повторил.

— Исполняйте. . . Внимание, База! Заместителю директора Робинзону срочно явиться к директору в полном походном снаряжении. . .

— Поль! — снова проговорил хриплый голос. — Если можешь, прилетай сам, мне кажется, это очень важно. . . Мы висим на дереве, и я вижу очень странные вещи. . . Такого мы еще не видели! Объяснить тебе не могу, но это что-то особенное. . . Осторожно, Рита Сергеевна!.. Поль, если можешь, прилетай сам! Не пожалеешь!

— Буду сам, оставайся на связи, — сказал Поль. — Все время оставайся на связи. Оружие в порядке?

— У нас все в порядке, кроме вертолета. . . Он весь в каком-то киселе. . . И сломана лопасть. . .

Поль отскочил от стола и распахнул стеной шкаф. Горбовский стоял около карты и возил пальцем по сектору семьдесят три.

— Здесь уже была авария, — сказал он.

Поль подошел к нему, застегивая комбинезон.

— Где? — руки его замерли. — Ах вот оно что. . . — проговорил он и начал застегиваться еще быстрее. Горбовский смотрел на него, поднимая брови.

— Да? — сказал он.

— В этом секторе, — сказал Поль, — три года назад погиб Атос. По крайней мере он пеленговал в последний раз именно отсюда.

Хриплый голос сказал:

— Я вам, Рита Сергеевна, не советую что-нибудь здесь трогать. Давайте будем сидеть смиренненько и ждать. Вам удобно сидеть?.. Ага, вот и хорошо. . . Нет, я сам ничего здесь не понимаю, так что давайте сидеть и ждать, ладно? Вы кушать не хотите?.. Ну и что же, меня тоже тошнит. . . Примите вот эту пилюльку. . .

Горбовский нежно взял Поля за пуговицу нагрудного проектора и сказал:

— Можно, я с вами, Поль?

Полю стало неприятно. Этого он никак не ожидал от Горбовского. Это никуда не годилось с любой точки зрения.

— Что вы, Леонид Андреевич, — сказал он, морщась, — зачем?

— Я чувствую, что мне нужно там быть, — сказал Горбовский. — Непременно. Можно?

Глаза у Горбовского были какие-то непривычные. Полю они показались испуганными и жалкими. Этого Поль терпеть не мог.

— Знаете что, Леонид Андреевич, — сказал он, отстраняясь, — тогда уж лучше, может быть, мне взять Турнена? Как вы полагаете?

Горбовский задрал брови еще выше и вдруг покраснел. Поль почувствовал, что тоже краснеет. Сцена получилась омерзительная.

— Поль, — сказал Горбовский, — голубчик, опомнитесь, что вы? Я — старый занятый человек, мне это все, что вы думаете, как-то даже безразлично. . . Я совсем из других соображений. . .

Поль совсем смутился, потом рассвирепел, а потом ему пришло в голову, что все это сейчас не имеет никакого значения и думать нужно совсем о другом.

— Снаряжайтесь, — сухо сказал он. — И приходите к ангару. Извините, все.

— Благодарю вас, — сказал Горбовский и вышел. В дверях он столкнулся с заместителем директора Робинзоном, и они потеряли несколько секунд, уступая друг другу дорогу с озабоченными улыбками.

— Джек, — сказал Поль, — ты остаешься за меня. Я лечу сам. Авария у Сартакова. Туристы не должны знать. Понял? Ни одна душа. Там Рита Сергеевна. Объяви готовность номер один.

3

Дирижабль, рискованно-низко ныряя над лесом в крутящихся под ветром тучах, сбросил вездеход в полукилометре от того места, где были замечены сигнальные ракеты Сартакова.

Леонид Андреевич ощутил легкий толчок, когда включились парашюты, и через несколько секунд второй, более сильный толчок, почти удар, когда вездеход, сокрушая деревья, рухнул в лес. Алик Кутнов отстрелил парашюты, включил для пробы двигатель и доложил: "Готов". Поль скомандовал: "Бери пеленг и — вперед".

Леонид Андреевич косился на них с некоторой завистью. Оба они работали, оба были заняты, и видно было, что им обоим нравится все это — и рискованный прыжок с малой высоты, и колодец в лесной зелени, получившийся в месте падения танка, и гул двигателей, и вообще все положение, когда не надо больше чего-то ожидать, когда все уже произошло и мысли не разбредаются, как веселая компания на пикнике, а строго подчинены ясной и определенной цели. Так, вероятно, чувствовали себя старинные полководцы, когда затерявшийся было противник вдруг обнаруживался, намерения его определялись, и можно в своих действиях опереться наконец на пикнике, а строго подчинены ясной и определенной цели. Леонид Андреевич подозревал также, что они втихомолку даже радуются происшествию как случаю продемонстрировать свою готовность, свое умение, свою опытность. Радуются, постольку, конечно, поскольку все пока были живы и никому ничего особенного не угрожало. Сам же Леонид Андреевич, если отвлечься от мимолетного ощущения зависти, ждал встречи с неизвестным, надеялся на эту встречу и боялся ее.

Вездеход медленно и осторожно двигался на пеленг. При его приближении растительность мгновенно теряла влагу, и все — стволы деревьев, ветви, листья, лианы, цветы, грибы — рассыпалось в труху, смешивалось с болотным илом и тут же смерзлось, стеля под гусеницы звонкую ледяную броню. "Вас видим!" — сказал голос Сартакова из репродуктора, и Алик сейчас же затормозил. Туча трухи медленно оседала.

Леонид Андреевич, поспешно отстегивая предохранительные ремни, водил глазами по обзорному экрану. Он не знал, что он должен увидеть. Что-то похожее на кисель, от которого тошнит. Что-то необычное, что нельзя описать. А вокруг шевелился лес, менял окраску, переливаясь и вспыхивая, обманывая зрение, наплывая и отступая, издевался, пугал и глумился лес, и он весь был необычен, и его нельзя было описать, и от него тошнило. Но самым необычным, самым невозможным, самым невообразимым в этом лесу были люди, и поэтому прежде всего Леонид Андреевич увидел их. Они шли к вездеходу, тонкие и ловкие, уверенные и изящные, они шли легко, не оступаясь, мгновенно и точно выбирая место, куда ступить, и они делали вид, что не замечают леса, что в лесу они как дома, что лес уже принадлежит им, они даже, наверное, не делали вид, они действительно думали так, а лес висел над ними, ловко притворяясь их знакомым, и покорным, и простым — совсем своим. Пока.

Рита Сергеевна и Сартаков вскарабкались на гусеницу, и все вышли им навстречу.

— Что же это ты так неловко? — сказал Поль Сартакову.

— Неловко? — сказал Сартаков. — Ты посмотри! Видишь?

— Что?

— То-то, — сказал Сартаков. — А теперь присмотришься...

— Здравствуйте, Леонид Андреевич, — сказала Рита Сергеевна. — Вы сообщили Тойво, что все в порядке?

— Тойво ничего не знает, — ответил Леонид Андреевич. — Вы не беспокойтесь, Рита. А вы как себя чувствуете? Что у вас случилось?

— Да ты не туда смотришь, — нетерпеливо говорил Сартаков. — Да вы, кажется, ослепли все...

— А! — закричал Алик, указывая пальцем. — Вижу! Ух ты...

— Да-а... — тихо и напряженно произнес Поль.

И тогда Леонид Андреевич тоже увидел. Это появилось как изображение на фотобумаге, как фигурка на детской загадочной картинке "Куда спрятался зайчик?" — и, однажды разглядев это, больше невозможно было потерять его из виду. Оно было совсем рядом, оно начиналось в нескольких шагах от широких гусениц вездехода.

Огромный живой столб поднимался к кронам деревьев, сноп тончайших прозрачных нитей, липких, блестящих, извивающихся и напряженных; пронизывающий плотную листву и уходящий выше, в облака. Он зарождался в клоаке, в жирной клокочущей клоаке, заполненной протоплазмой, живой, активной, вспухающей пузырями, примитивной плотью, хлопотно организующей и тут же разлагающей себя, изливающей продукты разложения на плоские берега, плюющейся клейкой пеной... И сразу из шума леса выделился голос клоаки, словно включились невидимые звукофильтры: клокотание, плеск, всхлипывания, бульканье, протяжные болотные стоны, и надвинулась тяжелая стена запахов: сырого сочащегося мяса, сукровицы, свежей желчи, сыворотки, горячего клейстера, и только тогда Леонид Андреевич заметил, что Рита и Сартаков были в кислородных масках, и увидел, как Алик и Поль, брезгливо кривясь, поднимают к лицу намордники респираторов, но сам он не стал надевать респиратор, он словно бы надеялся, что хоть запахи расскажут ему то, чего не рассказывали ни глаза, ни уши.

— Какая жуть... — сказал Алик с отвращением. — Что это такое, Вадим?

— Откуда я знаю? — сказал Сартаков. — Может быть, какое-нибудь растение...

— Животное, — сказала Рита Сергеевна. — Животное, а не растение... Оно питается растениями.

Вокруг клоаки, заботливо склоняясь над нею, трепетали деревья, их ветви были повернуты в одну сторону и никли к бурлящей массе, и по ветвям струились и падали в клоаку толстые мохнатые лианы, и клоака принимала их в себя, и протоплазма обглаживала их и превращала в себя, как она могла растворить и сделать своей плотью все, что окружало ее...

— Нет, — говорил Сартаков. — Оно не движется. Оно даже не становится больше, не растет. Сначала мне показалось, что оно разливается и подбирается к нашему дереву, но это было просто от страха. Или это дерево подбиралось к нему...

— Не знаю, — говорила Рита. — Я вела вертолет и ничего не

заметила. Скорее всего мы налетели на этот столб, винты запутались в слизи, хорошо что мы шли низко и на самой маленькой скорости, мы боялись грозы и искали место отсидеться...

— Если бы только растения! — говорил Сартаков. — Мы видели, как туда падают животные, их словно тянет туда что-то, они с визгом сползают по ветвям и бросаются туда, и растворяются — сразу, без остатка.

— Нет, это, конечно, чистая случайность, — говорила Рита. — Нам сначала не повезло, а потом повезло. Вертолет буквально сел на крону и даже не перевернулся, и даже дверцу не заклинило, так что, по-моему, корпус цел, полетели только лопасти винтов...

— Ни минуты покоя, — говорил Сартаков. — Оно бурлит непрерывно, как сейчас, но это еще не самое интересное. Подождем еще несколько минут, и вы увидите самое интересное...

И когда прошли эти несколько минут, Сартаков сказал:

— Вот оно!

Клоака рожала. На ее плоские берега нетерпеливыми судорожными толчками один за другим стали извергаться обрубки белесого, зыбко вздрагивающего теста, они беспомощно и слепо катились по земле, потом замирали, сплющивались, вытягивали осторожные ложноножки и вдруг начинали двигаться осмысленно, еще суетливо, еще тысячу, но уже в одном направлении, все в одном определенном направлении, расходясь и сталкиваясь, но все в одном направлении, по одному радиусу от клоаки, в заросли, прочь, одной текучей белесой колонной, как исполнинские мешковатые слизнеподобные муравьи.

— Оно выбрасывает их каждые полтора часа, — говорил Сартаков, — по десять, двадцать, по тридцать штук... С удивительной правильностью, каждые двадцать семь минут...

— Нет, не обязательно туда, — говорила Рита. — Иногда они уходят в том направлении, а иногда вон туда, мимо нашего дерева. Но чаще всего они действительно ползут так, как сейчас... Поль, давайте посмотрим, куда они ползут, вряд ли это далеко, они слишком беспомощны...

— Может быть, и семена, — говорил Сартаков, — а может быть, и щенки, откуда мне знать, может быть, это маленькие тахорги. Ведь никто и никогда еще не видел маленьких тахоргов. Хорошо бы проследить и посмотреть, что с ними делается дальше. Как ты думаешь, Поль?

Да, хорошо бы. Почему бы и нет? Раз уж мы здесь, то почему бы и нет? Мы могли бы ехать рядом и быть настороже. Все возможно, пока еще возможно все, возможно, это лишний нарост на маске, загадочный и бессмысленный, а может быть, именно здесь маска приоткрылась, но лицо под нею такое знакомое, что тоже кажется маской, и как хорошо было бы, если бы это оказались семена или маленькие тахорги...

— А почему бы и нет? — сказал Поль решительно. — Давайте! По крайней мере, я буду знать, в чем будут копаться наши биологи. Пошли в рубку, надо сообщить Шестопалу, пусть дирижабль следует за нами...

Они спустились в рубку, Поль связался с дирижаблем, а Алик стал разворачивать вездеход. "Хорошо, — говорил Шестопал. — Будет исполнено. А что там внизу? Там какой-нибудь гейзер? Я все время натыкаюсь на что-то мягкое и ничего не вижу, очень неприятно, и стекла в кабине залепило какой-то слизью..." Алик делал поворот на одной гусенице и валил кормой деревья. "Ай! — вдруг сказала Рита. — Вертолет!" Алик затормозил, и все посмотрело на вертолет. Вертолет медленно падал, цепляясь за распростертые ветви, скользя по ним, переворачиваясь, цепляясь изуродованными винтами, увлекая за собой тучи листьев. Он упал в клоаку. Все разом встали. Леониду Андреевичу показалось, что протоплазма прогнулась под вертолетом, словно смягчая удар, мягко и беззвучно пропустила его в себя и сомкнулась над ним. "Да, — сказал Сартаков с неудовольствием. — Глупость какая, вся недельная добыча..." Клоака стала пастью, сосущей, пробующей, наслаждающейся. Она катала в себе вертолет, как человек катает языком от щеки к щеке большой леденец. Вертолет крутило в пенящей массе, он исчезал, появлялся вновь, беспомощно взмахивая остатками винтов, и с каждым появлением его становилось все меньше, органическая обшивка истончалась, делалась прозрачной, как тонкая бумага, и уже смутно мелькали сквозь нее каркасы двигателей и рамы приборов, а потом обшивка расплылась, вертолет исчез в последний раз и больше не появился. Леонид Андреевич посмотрел на Риту. Она была бледна, руки ее были стиснуты. Сартаков откашлялся и сказал: "Честно говоря, я не предполагал... Должен тебе сказать, директор, я вел себя достаточно опростметчиво, но я никак не предполагал..."

— Вперед, — сухо сказал Поль Алику.

"Щенков" было сорок три. Они медленно, но неумолимо двигались колонной один за другим, словно текли по земле, переливаясь через стволы сгнивших деревьев, через рывины, по лужам стоячей воды, в высокой траве, сквозь колючие кустарники. И они оставались белыми, чистыми, ни одна соринка не приставала к ним, ни одна колючка не поранила их, и их не пачкала черная болотная грязь. Они лились с тупой бездумной уверенностью, как будто по давно знакомой привычной дороге.

Алик с величайшей осторожностью, выключив все агрегаты внешнего воздействия, шел параллельно колонне, стараясь не слишком приближаться к ней, но и не терять ее из виду. Скорость была ничтожная, едва ли не меньше скорости пешехода, и это длилось долго. Через каждые полчаса Поль выбрасывал сигнальную ракету, и скучный голос Шестопала сообщал в репродуктор: "Ракету вижу, вас не вижу". Иногда он добавлял: "Меня сносит ветром. А вас?" Это была его личная традиционная шутка.

Время от времени Сартаков (с разрешения Поля) выбирался из рубки, соскакивал на землю и шел рядом с одним из "щенков". "Щенки" не обращали на него никакого внимания: видимо, они даже не подозревали, что он существует. Потом, (опять-таки с разрешения Поля) рядом со "щенками" прошлись по очереди Рита Сергеевна и Леонид Андреевич. От "щенков" резко и неприятно пахло, белая оболочка их казалась прозрачной, и под нею волнами двигались какие-то тени. Алик тоже попросился к "щенкам", но Поль его не отпустил и сам не пошел, может быть желая таким образом выразить свое неудовольствие просьбами экипажа.

Возвратившись из очередной прогулки, Сартаков предложил изловить одного "щенка". "Ничего нет легче, — сказал он. — Опростаем контейнер с водой, накроем одного и оттащим в сторону. Все равно когда-нибудь придется ловить." "Не разрешаю, — сказал Поль. — Во-первых, он сдохнет. А во-вторых, я ничего не разрешу до тех пор, пока не станет все ясно." "Что именно — все?" — спросил агрессивно Сартаков. "Все, — сказал Поль. — Что это такое, почему, зачем. А заодно — в чем смысл жизни," — сказал агрессивно Сартаков. "По-моему, это просто разнородность живого существа," — сказал Алик, который очень не любил спор. "Слишком сложно для живого существа, — сказала Рита, — я имею в виду, что слишком сложно для таких больших размеров. Трудно себе представить, что это может быть за живое существо." "Это вам трудно представить, — сказал Алик добродушно. — Или мне, например. А вот, скажем, ваш Тойво может все это представить без малейшего труда, ему это проще, чем для меня — завести двигатель. Раз — и представил. Величиной с дом." "Знаете, что это, — сказал успокоившийся Сартаков. — Это ловушка." "Чья ловушка?" "Чья-то ловушка, — сказал Сартаков. "Занимается ловлей вертолетов, сказал Поль. "А что же, — сказал Сартаков. — Сидоров попался три года назад. Карл еще раньше попался, а теперь вот мой вертолет." "Разве Карл здесь сгинул? — спросил Алик. "Это неважно, — сказал Сартаков. — Ловушек может быть много." "Поль, — сказала Рита Сергеевна, — можно я поговорю с Тойво?" "Можно, сказал Поль, — сейчас я его вызову. . ."

Рита поговорила с Тойво. Сартаков еще раз вышел и походил рядом со "щенками". Шестопал еще раз сообщил, что его сносит, и еще раз спросил не сносит ли их. А потом они увидели, как строй "щенков" нарушился. Колонна разделилась. Леонид Андреевич считал: тридцать два "щенка" пошли прямо, а одиннадцать, построившись в такую же колонну, свернули налево, наперерез вездеходу. Алик продвинулся еще на несколько десятков метров и остановился.

— Слева озеро, — объявил он.

Слева между деревьями открылось озеро, ровная гладь неподвижной темной воды — совсем недалеко от вездехода. Леонид Андреевич увидел низкое туманное небо и смутные очертания дирижабля. Одиннадцать "щенков" уверенно направлялись к воде. Леонид Андреевич смотрел, как они переливаются через кривую корягу на самом берегу и один за другим тяжело плюхаются в озеро. По темной воде пошли маслянистые круги.

— Тонут! — сказал Сартаков с удивлением.

— Тогда уж — топятся, — сказал Алик. — Ну что, Поль, за ними? Или прямо?

Поль рассматривал карту.

— Как всегда, — сказал он. — Этого озера у нас на картах нет. Если карте больше двух лет, то она уже нигде не годится. — Он сложил карту и придвинул к себе перископ. — Пойдем прямо, — сказал он. — Только погоди немного.

Он медленно поворачивал перископ, а потом остановился

и стал вглядываться. В кабине вдруг стало тихо. Все смотрели на него. Леонид Андреевич увидел, как его правая рука нашла клавишу кинокамеры и несколько раз нажала на нее. Потом Поль обернулся и, моргая, посмотрел на Леонида Андреевича.

— Странно, — сказал он. — Может, вы взглянете? У того берега. . .

Леонид Андреевич подтянул перископ к себе. Он ничего не ожидал увидеть: это было бы слишком просто. И он ничего не увидел. Озерная гладь, далекий, заросший травой берег, зубчатая кромка леса на фоне серого неба.

— А что вы там увидели? — спросил он, вглядываясь.

— Там была белая точка, — сказал Поль. — Мне показалось, что там, в воде, человек. . . Глупо, конечно.

Темная вода, кромка леса, серое небо.

— Будем считать, что это была русалка, — сказал Леонид Андреевич и отодвинулся от перископа.

4.

— Сегодня мы наконец улетаем, — сказал Турнен.

— Поздравляю, — сказал Леонид Андреевич. — А я еще останусь немножко.

Он бросил камешек, и камешек канул в облако. Облако было совсем близко внизу под ногами. Леса видно не было. Леонид Андреевич лег на спину, свесив босые ноги в пропасть и заложив руки за голову. Турнен сидел на корточках неподалеку и внимательно, без улыбки смотрел на него.

— А ведь вы действительно боязливый человек, Горбовский, — сказал он.

— Да, очень, — согласился Леонид Андреевич. — Но вы знаете, Тойво, стоит поглядеть вокруг, и вы увидите десятки и сотни чрезвычайно смелых, отчаянно храбрых, безумно отважных. . . даже скучно становится, и хочется разнообразия. Ведь правда?

— Да, пожалуй, — сказал Турнен, опуская глаза. — Но я-то боюсь только за одного человека. . .

— За себя, — сказал Горбовский.

— В конечном итоге — да. А вы?

— В конечном итоге — тоже да.

— Скучные мы с вами люди, — сказал Турнен.

— Ужасно, — сказал Леонид Андреевич. — Вы знаете, я чувствую, что с каждым днем становлюсь все скучнее и скучнее. Раньше около меня всегда толпились люди, все смеялись, потому что я был забавный. А теперь вот вы только. . . и то не смеетесь. Вы понимаете, я стал тяжелым человеком. Уважаемым — да. Авторитетным — тоже да. Но без всякой приятности. А я к этому не привык, мне это больно.

— Привыкнете, — сказал Турнен. — Если раньше не умрете от страха, то привыкнете. А в общем-то вы занялись самым неблагодарным делом, какое можно себе представить. Вы думаете о смысле жизни сразу за всех людей, а люди этого не любят. Люди предпочитают принимать жизнь такой, какая она есть. Смысла жизни не существует. И смысла поступков не существует. Если поступок принес вам удовольствие — хорошо, если не принес — значит, он был бессмысленным. Зря стараетесь, Горбовский.

Леонид Андреевич извлек ноги из пропасти и перевалился на бок.

— Ну вот уже и обобщения, — сказал он. — Зачем судить обо всех по себе?

— Почему обо всех? Вас это не касается.

— Это многих не касается.

— Да нет. Многих — вряд ли. У вас какой-то обостренный интерес к последствиям, Горбовский. У большинства людей этого нет. Большинство считает, что это не важно. Они даже могут предвидеть последствия, но это не проникает им в кровь, действуют они все равно, исходя не из последствий, а из каких-то совсем других соображений.

— Это уже другое дело, — сказал Леонид Андреевич. — Тут я с вами согласен. Я не согласен только, что эти другие соображения — всегда собственное удовольствие.

— Удовольствие — понятие широкое. . .

— А, — прервал Леонид Андреевич. — Тогда я с вами согласен полностью.

— Наконец-то, — сказал Турнен язвительно. — А я-то думал, что мне делать, если вы не согласитесь. Я уже собирался вас прямо спрашивать: зачем вы, собственно, здесь сидите, Горбовский?

— Но ведь вы не спрашиваете?

— В общем — нет, потому что я и так знаю.

Леонид Андреевич с восхищением посмотрел на него.

— Правда? — сказал он. — А я-то думал, что законспирировался удачно.

— А зачем вы, собственно, законспирировались?

— Так смеяться же будут, Тойво. И вовсе не тем смехом, какой я привык слышать рядом с собой.

— Привыкнете, — сказал Турнен. — Вот спасете человечество два-три раза и привыкнете. Чудак вы все-таки. Человечеству совсем не нужно, чтобы его спасали.

Леонид Андреевич натянул шлепанцы, подумал и сказал:

— В чем-то вы, конечно, правы. Это мне нужно, чтобы человечество было в безопасности. Я наверное самый большой эгоист в мире. Как вы думаете, Тойво?

— Несомненно, — сказал Турнен. — Потому что вы хотите, чтобы всему человечеству было хорошо только для того, чтобы вам было хорошо.

— Но, Тойво! — вскричал Леонид Андреевич и даже слегка ударил себя кулаком в грудь. — Разве вы не видите, что они все стали как дети? Разве вам не хочется возвести ограду вдоль пропасти, возле которой они играют? Вот здесь, например, — он ткнул пальцем вниз. — Вот вы давеча хватались за сердце, когда я сидел на краю, вам было нехорошо, а я вижу, как двадцать миллиардов сидят, спустив ноги в пропасть, толкаются, острят и швыряют камешки, и каждый норовит швырнуть потяжелее, а в пропасти туман, и неизвестно, кого они разбудят там, в тумане, а им всем на это наплевать, они испытывают приятство от того, что у них напрягается мускулюс глутеус, а я их всех люблю и не могу...

— Чего вы, собственно, боитесь? — сказал Турнен раздраженно. — Человечество все равно не способно поставить перед собой задачи, которые оно не может разрешить.

Леонид Андреевич с любопытством посмотрел на него.

— Вы серьезно так думаете? — сказал он. — Напрасно. Вот оттуда, — он опять ткнул пальцем вниз, — может выйти братец по разуму и сказать: "Люди, помогите нам уничтожить лес". И что мы ему ответим?

— Мы ему ответим: "С удовольствием". И уничтожим. Это мы в два счета.

— Нет, — возразил Леонид Андреевич. — Потому что едва мы приступили к делу, как выяснилось, что лес — тоже братец по разуму, только двоюродный. Братец — гуманоид, а лес — не гуманоид. Ну?

— Представить можно все, что угодно, — сказал Турнен.

— В том-то и дело, — сказал Горбовский. — Поэтому-то я здесь и сижу. Вы спрашиваете, чего я боюсь. Я не боюсь задач, которые ставит перед собой человечество, я боюсь задач, которые может поставить перед нами кто-нибудь другой. Это только так говорится, что человек всемогущ, потому что, видите ли, у него разум. Человек — нежнейшее, трепетнейшее существо, его так легко обидеть, разочаровать, морально убить. У него же не только разум. У него так называемая душа. И то, что хорошо и легко для разума, то может оказаться роковым для души. А я не хочу, чтобы все человечество — за исключением некоторых существующих — краснело бы и мучилось угрызениями совести, или страдало от своей неполноценности и от сознания своей беспомощности, когда перед ним встанут задачи, которые оно даже и не ставило. Я уже все это пережил в фантазии и никому не пожелаю. А вот теперь сижу и жду.

— Очень трогательно, — сказал Турнен. — И совершенно бессмысленно.

— Это потому, что я пытался воздействовать на вас эмоционально, — грустно сказал Леонид Андреевич. — Попробую убедить вас логикой. Понимаете, Тойво, возможность неразрешимых задач можно предсказать априорно. Наука, как известно, безразлична к морали. Но только до тех пор, пока ее объектом не становится разум. Достаточно вспомнить проблематику евгеники и разумных машин... Я знаю, вы скажите, что это наше внутреннее дело. Тогда возьмем тот же разумный лес. Пока он сам по себе, он может быть объектом спокойного осторожного изучения. Но если он воюет с другими разумными существами, вопрос из научного становится для нас моральным. Мы должны решать, на чьей стороне быть, а решить мы это не можем, потому что наука моральные проблемы не решает, а мораль сама по себе — не имеет логики, она нам задана до нас, как мода на брюки, и не отвечает на вопрос: почему так, а не иначе. Я ясно выражаюсь?

— Слушайте, Горбовский, — сказал Турнен. — Что вы прицепились к разумному лесу? Вы что, действительно считаете этот лес разумным?

— Леонид Андреевич приблизился к краю и заглянул в пропасть.

— Нет, — сказал он. — Вряд ли... Но есть в нем что-то нездоровое с точки зрения нашей морали. Он мне не нравится. Мне в нем все не нравится. Как он пахнет, как он выглядит, какой он скользкий, какой он непостоянный. Какой он лживый и как он притворяется... Нет, скверный это лес, Тойво. Он еще заговорит. Я знаю, он еще заговорит.

— Пойдемте, я вас исследую, — сказал Тойво. — На прощанье.

— Нет, — сказал Леонид Андреевич. — Пойдем лучше ужинать. Попросим открыть нам бутылку вина...

— Не дадут, — сказал Тойво с сомнением.

— Я попрошу Поля, — сказал Леонид Андреевич. — Кажется, я имею на него какое-то влияние.

Он нагнулся, собрал в горсть оставшиеся камешки и швырнул их вниз. Подальше. В туман. В лес, который еще заговорит.

Тойво, заложив руки за спину, уже неторопливо поднялся по лестнице.

ГАГРА, 20. 03. 65

